

1 CENT

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NEW YORK, N.Y.
N.Y. Public Library
42 St. & 6th Ave.
N.Y.C.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO. 413 E. 14th St., New York, 3, N. Y.

Прообраз Чацкого

Леонид Гроссман.

«Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева,—писал Пушкин П. А. Вяземскому в конце ноября 1823 г.,—в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны».

Это были первые известия о «Горе от ума», дошедшие до Одессы, где тогда жил Пушкин. Грибоедов в то время действительно писал свою комедию. Но почему ее героем считали Чаадаева? И на какие обстоятельства указывает Пушкин, отмечая благородство ее автора?

Петр Яковлевич Чаадаев занимал в русском обществе александровского времени исключительное положение. О нем можно было бы сказать словами Льва Толстого о Герцене—он был блестящ и глубок, что встречается очень редко. Внук известного историка и публициста XVIII века М. М. Щербатова, он унаследовал от своего деда страсть к чтению и умственным занятиям, интерес к русской общественной жизни, смелую речь, независимость убеждений, презрение к вельможам и фаворитам.

Офицер с 1812 года, Чаадаев прошел весь путь от Бородина и Малого Ярославца до Лейпцига и Парижа. Он провел три года за границей, сражаясь, наблюдая и знакомясь с Европой. Служа в самых блестящих полках, он не переставал учиться и размышлять. Из нарядного гвардейца рано вышел молодой ученый с творческой мыслью и неутомимыми поисками истины. Это был настоящий теоретический ум, способный к широкому полету и большому обобщению. Он любил философию, историю, его занимали проблемы искусства.

Но более всего его волновали судьбы его родины. Мир идей обращал его к жгучим вопросам современной российской действительности. Он ненавидел крепостной строй и мечтал о свободе своего народа. Он был

членом Союза благоденствия и разделял основные воззрения своих друзей-декабристов «на рабство» и «самовластье». В 1820 г. он восхищался победой испанской революции, «потому что во всем этом есть нечто, касающееся нас особенно близко».

По свидетельству Пушкина Чаадаев «горел свободой». Великодушная в своем лаконизме знаменитая пушкинская надпись к его портрету, рисует Чаадаева независимым мыслителем, другом народной волюности, ценителем искусств и мастером устной речи: «Он в Риме был Брут, в Афинах Периклес»... В представлении первого поэта молодого поколения Чаадаев—стойкий республиканец, герой гражданской доблести, мудрец и трибун.

Сравнение с Периклом здесь особенно примечательно. Чаадаев был поистине выдающийся оратор. Он держал под обаянием своего слова сильнейшие умы своего поколения. Мастер в различных жанрах ораторского искусства, он знал тайны высокогорного красноречия, увлекающего вдохновенным полетом мысли, и саркастический стиль словесного памфлета, сражающего меткой иронией. «Твой жар воспламенял к высокому любовь»,—характеризует манеру его патетической речи Пушкин. А острые «чаадаевские сарказмы» заминались в обществе и входили в литературу. Жанр большого ритмического монолога был так же свойственен Чаадаеву, как и беглый афористический огонь полемической атаки.

Таков один из лучших представителей молодой России десятых годов прошлого века. В петербургских гостиных он восхищает государственных деятелей и писателей своим остроумием и «байроновскими манерами». С ним считаются такие деятели официального Петербурга, как Кочубей, Уваров, братья Тургеневы. Его ласкает Карамзин. С живейшим интересом все они вслушиваются в его вольные и увлекательные монологи о великом будущем освобожденного русского народа. В обществе отживающих вельмож XVIII века и новых титомцев Аракчеева одинокой фигурой выступает этот храбрый офицер, испытанный в трех исполкинских походах, безукоризненно благородный, честный, обаятельный, исключительно образованный, чрезвычайно находчивый в разговоре и гениально умный.

Таким знал Чаадаева Грибоедов. Они были связаны тесной дружбой. Их сблизил Московский университет, где они одновременно учились и оба увлекались лекциями по истории, философии и эстетике. Вместе вступили они в ложу «Соединенных друзей», постоянно встречались в общественных, театральных и литературных кругах Петербурга. По свидетельству П. А. Вяземского, Чаадаев впервые от Грибоедова услышал о Пушкине. От Чаадаева Грибоедов ждал на Кавказе «Бориса Годунова». Известно, что после гибели автора «Горе от ума» Чаадаев хранил о нем благоговейную память, и воспоминание об этой дружбе «выросло для него до степени исторического предания». Есть свидетельство, что он разошелся с Ермоловым из-за его неблагоприятного отзыва о Грибоедове.

Не может быть сомнений, что Грибоедов был превосходно осведомлен о той драме Чаадаева, которая в 1820 г. внезапно оборвала линию блестящего восхождения этого баюваного успеха в самый момент их наивысшего расцвета. Это была драма выдающегося и независимого человека, убитого сплетней и навсегда оставившего враждебный круг, глубоко оскорбивший его открытое сердце злословием и клеветой.

В октябре 1820 г. командующий гвардейским корпусом послал своего адъютанта Чаадаева экстренным курьером на конгресс в Троппау с донесением к Александру I в связи с восстанием в Семеновском полку. Эта вынужденная поездка поставила Чаадаева в чрезвычайно тяжелое положение. Как сообщает близко знавший его Лонгин, «едва возвратился Чаадаев в Петербург, как на него посыпался град ужасных упреков и жестоких нареканий. Люди, не любившие его или завидовавшие ему издавна, были, разумеется, первые из восставших на

него. За ними последовали злые языки, праздные болтуны. Из этих элементов составилась ревуший хор сплетен и толков, которыми были введены в заблуждение и восстановлены против Чаадаева и люди добросовестные»... Его обвиняли в том, что, одержимый тщеславием, он ради флигель-адъютантских эполет пошел на предательство товарищей (сам же начинал свою службу в Семеновском полку).

Через месяц после возвращения из Троппау глубоко потрясенный Чаадаев подал в отставку. Это вызвало неудовольствие дворян и враждебность правительственных кругов. В начале 1821 г. отставной ротмистр навсегда оставил Петербург, а вскоре затем и Москву, выехав за границу, где он пробыл несколько лет.

В этот поворотный момент его жизни, когда Чаадаев был осужден обществом и правительственными кругами, на защиту оклеветанного мыслителя и чудесного человека выступил его старый университетский товарищ Грибоедов. В 1821—1824 г.г. он написал «Горе от ума».

Личность и судьба героя комедии были предопределены характером и драмой Чаадаева. До отъезда за границу Чацкий служил в одном из блестящих полков и лишь впоследствии отрекся от своего пристрастия к «расшитому и красивому» мундиру. Он был близок в Петербурге к высшим правительственным кругам, с которыми неожиданно и резко порвал («...с министрами про вашу связь, потом разрыв»...). Он вышел в отставку и посвятил себя литературе (он «славно пишет, переводит»). Он необычайно начитан, его речь блещет цитатами («И дым отечества...») или книжными изречениями («что это сочиненье?»). Он принадлежит к той молодежи, которую определяет «ум, алчущий познаний», влечение «к искусствам творческим, высоким и прекрасным». Он прожил три года за границей, но превыше всего ценит «умный, бодрый наш народ». Пылкая мысль обращает его к большим темам современности. Он обрушивается на крепостничество, разоблачает вельможество, клеймит высшее дворянство. Чацкий—декабрист. Перед старым обществом он выступает глашатаем новых идей. Он отстаивает их в страстной и красивой форме подлинного ораторского искусства. Он «говорит, как пишет». Он умеет подготовить «ответ громовый» и «гласно объявлять» свои смелые убеждения. Но при этом он мастер острой шутки и тонкого афоризма. Первый и лучший в своем кругу, он окружен завистью и враждой. И, оклеветанный целым обществом, он в блистательном одиночестве, навсегда оставляет его.

Так отразилась на образе Чацкого судьба Чаадаева—его личность, его биография, его мысль, политическая программа, самый стиль его речи.

Историки литературы уже касались этой интересной темы, проливающей столько света на замысел и рост великой пьесы. В 1875 году редактор «Горя от ума» И. Д. Гарусов, собиравший сведения для своего комментария к комедии в среде московских старожилов, вынес из их показаний убеждение, что Чаадаев был прототипом Чацкого. Он указал на семейные и домашние связи молодого Чаадаева с «грибоедовской Москвой»—с Афросимовыми, Римскими-Корсаковыми, Фроловыми, которые служили прототипами Грибоедову. Воспитание Чаадаева, его общественное положение, его критическое отношение к среде, его дар иронии—все это возведло Чацкого (как первоначально писал фамилию своего героя Грибоедов).

В 1896 г. известный историк литературы проф. А. И. Кирпичников (автор исследования «Московское общество в изображении Грибоедова и Л. Толстого») напечатал в «Русской мысли» статью о П. Я. Чаадаеве, в которой опубликовал стихотворение старинного поэта, одного из вождей Союза благоденствия, Федора Глинки. Стихотворение называется «Петр Яковлевич Чаадаев»; оно заканчивается строфой:

...И кто не жал ему сплоченьем
Кто не хвалил его ума? [руку
Но был и он из чашки жизни му-
И выпил Горе от ума. (ку
(Окончание на 3 странице)

ПРОБРАЗ ЧАЦКОГО

(Начало на 2 странице)

Проф. Кирпичников отметил важность этого «отождествления передового русского человека с героем бессмертной комедии» и признал такое совпадение не случайным.

Необычайна была судьба Чаадаева в русской литературе. Его исключительная личность занимала наших величайших писателей. Его изображали Пушкин, Лермонтов, Герцен, Тургенев, Достоевский, а в полемическом разрезе — Языков и Денис Давыдов. Но первый творческий портрет во весь рост этого трагического мыслителя дал Грибоедов. В своей драматической поэме он сумел очертить глубокий ум Чаадаева и словно наметил его будущую драму — официальное объявление автора «Философического письма» сумасшедшим за независимость его исторического учения. Заклейменный публицист, как известно, написал в ответ на свое официальное ошельмование «Апологию безумца». Грибоедов предупредил эту защитительную речь своей комедией. Пушкин был прав: в атмосфере общественного и правительственного осуждения это было действительно «чрезвычайно благородно». Нитенц иронии нет в этом отзыве Пушкина — он готов приветствовать от веселой души высокую комедию, которая прозвучит поэтическим оправданием его «миллого Чаадаева».

Создавая Чацкого, Грибоедов следовал основному правилу своей поэтики: «Портреты, и только портреты, входят в состав комедии и трагедии, — писал он в 1825 г. Катенину, — в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческого»... Изображение живого лица, доведенное до типичности, — вот творческий принцип Грибоедова. Уже друзья его стремились доказать, что в этом утверждении великий комедиограф заблуждался, ибо полные творцы не пишут «портретов». Но драматург безошибочно понимал свое искусство. «Горе от ума» — несомненно огромный групповой портрет, такой же полноценный, как «Урок анатомии» Рембрандта или «Государственный Совет» Репина. Среди острых грибоедовских зарисовок с натуры, ставших великими типами, самый замечательный — Чацкий. Уже в 1823 году литературная молва разнесла по стране верное сообщение о герое новой пьесы. Грибоедов изображал в ней трагическое одиночество крупнейшего русского мыслителя своей эпохи. В центре бессмертной комедии — творческий портрет Чаадаева, одного из передовых людей того времени, весь озаренный любовью и состраданием его гениального друга.

Леонид Гроссман